

КАТИНКА ЭНГЕЛЬ

FIND

НАЙДИ МЕНЯ

ME
now

СЕЙЧАС

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.112.2-31
ББК 84(Герм)-44
Э62

Kathinka Engel
FINDE MICH. JETZT

© 2019 Piper Verlag GmbH, München/Berlin

Перевод с немецкого *И. Офицеровой*

Художественное оформление *Я. Клыга*

Энгель, Катинка.

Э62 Найди меня. Сейчас / Катинка Энгель ; [перевод с немецкого И. Офицеровой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-193134-6

Девятнадцатилетняя Тамсин Уильямс переезжает на другой конец страны, чтобы поступить в колледж и избавиться от чрезмерной опеки родителей. После того как ее предал парень, она пообещала себе больше не заводить отношения. По крайней мере, пока будет изучать литературу.

Но потом она встречает очаровательного Риса Болтона. И хотя временами он бывает груб и необщителен, Тамсин не может выкинуть его из головы.

Она не знает, что Рис недавно вышел из тюрьмы, где провел шесть лет за преступление, которого не совершал. Ему тяжело жить в совершенно чужом мире. Его тянет к Тамсин все больше и больше, но сможет ли он доверить ей свою сокровенную тайну?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(Герм)-44

© И. Офицера, перевод на русский язык,
2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193134-6

1

Тамсин

Сегодня день контрастов. День, когда я делаю что-то в последний раз и впервые, день грусти и тихого предвкушения. Я в последний раз проверила почтовый ящик родителей и впервые написала свой новый адрес на посылках, к недозвольтву почтальона доверху заполненных книгами и пластинками. На похоронах дедушки я попрощалась с самым важным человеком в моей жизни, но в то же время с оптимизмом и интересом жду, что готовит мне будущее.

Уже полчаса я сижу одна в старой детской — в розовом аду, где ничего не отражает меня, но так много говорит о моей маме.

Последних соболезнований от соседей я не вынесла. Сначала протягивали руку моему отцу:

— Мистер Уильямс, сочувствуем вашей утрате. — Потом обнимали маму: — Миссис Уильямс, соболезнуем вам. — И никому не приходило в голову выразить соболезнования мне, хотя я единственный человек в этом доме, для кого умерший что-то значил.

Из кухни доносится звон посуды. Значит, родители внизу и не заявятся сюда неожиданно. Иначе то, что я сижу на полу среди гор одежды и собираю чемодан, вызовет вопросы. Расспросы перейдут в ссору, и тогда мне придется забыть о своих планах. Планах, которые должны изменить

мою жизнь. Которые, стоит подумать о них, вызывают в теле волнующее покалывание.

Я сбегу отсюда. Сегодня ночью, пока все будут спать, оставлю Росдэйл и начну новую, студенческую жизнь в Перли, почти в трех тысячах миль отсюда. Я ждала только, чтобы попрощаться с дедушкой. Когда он оставил меня одну, я поняла, что время пришло. Больше ничего не держит меня в этом захолустье. Абсолютно ничего.

Я не стала составлять список вещей, которые надо упаковать. Наверно, это не лучшее решение, но то, что хочу взять с собой, найти легко. Закидываю в чемодан одежду, которую выбирала сама. Все, что мне покупала мама, летит обратно в шкаф. Теперь это я принимаю решения. Дедушкины похороны — последний раз, когда позволила кому-то диктовать, что мне надеть.

Винтажные платья из секонд-хенда, вышитая хиппи-блузка с блошиного рынка, джинсы восьмидесятых из гардероба тети, которые она собиралась выбрасывать, — все это попадает в чемодан. Ничего из этого я не могла носить без того, чтобы родители не морщились, увидев меня. Не раз я отправлялась обратно в комнату надеть «что-нибудь приличное».

Я не только оставляю в Росдэйле строгие правила родителей, но и отказываюсь от надежды когда-нибудь наладить с ними отношения.

Ненадолго задумываюсь, что делать с кружевным бельем. Мне, скорее всего, понадобится замена, если все остальное окажется в стирке. В итоге я высыпаю в чемодан все содержимое ящика.

Живи полной жизнью. Я последую дедушкиному совету. Начиная с этого момента. Сегодня в последний раз играла роль послушной девочки. И впервые приняла значимое решение. У меня на лице расцветает улыбка, когда осознаю, что все это скоро останется в прошлом.

Я уже вижу, как обсуждаю с однокурсниками литературу и работаю в библиотеке, пока не закипит мозг. Хожу с Сэмом на дикие студенческие вечеринки и знакомлюсь с новыми людьми.

Сэм — мой лучший друг, моя лучшая половина. И после всего, что случилось, — единственный мужчина, которому я позволю приблизиться к себе, пока мне не исполнится лет восемьдесят. Долгое время мы были соседями, а потом он уехал учиться в Калифорнию. Сейчас получает ученую степень в Перли. Я собиралась сообщить ему, что у меня изменились планы и я еду в Калифорнию. Но среди приготовлений и похорон до сих пор не нашлось времени ему позвонить. Я решила, что текстового сообщения будет недостаточно. Хотелось слышать его голос, когда он узнает эти потрясающие новости.

Когда представляю, что меня ждет, покалывающее ощущение в теле усиливается. Отъезд больше не мечта, а реальность. Я вытираю влажные ладони о кофту «привет из девяностых», от которой была бы без ума какая-нибудь секретарша предпенсионного возраста, и забрасываю ее в шкаф. Затем сажусь на чемодан, чтобы застегнуть молнию. Надеюсь, швы не разойдутся.

Мой взгляд блуждает по комнате. Ничего из вещей, которые останутся здесь, не имеет для меня значения. В подсвеченной витрине выстроились отвратительные фигурки, которые мама каждый год дарит мне на день рождения, — разумеется, слишком ценные, чтобы в детстве мне разрешали с ними играть. На комодке стоят кубки — свидетельства побед на соревнованиях по правописанию и конкурсах чтецов. Бирюзовое чудовище, притворяющееся бальным платьем, которое мама заставила меня надеть на выпускной, висит на открытой двери в гардеробную. Как ни стараюсь, у меня не получается вспомнить, чтобы мама хоть раз при-

слушалась к моим желаниям, не говоря уже о том, чтобы отнеслась к ним с уважением. Моя комната — ее интерьер. Мой выпускной бал — ее платье. Мои друзья — ее вердикт.

Я в последний раз ложусь в свою постель. Решаю не раздеваться, чтобы быть готовой, когда в четыре утра зазвонит будильник. На тумбочке лежит потрепанный томик «Винни-Пуха». Прочитываю пару страниц перед сном. Твердо убеждена: если заснуть за чтением, приснится что-то красивое. С книгой в руке, вдыхая неприятный сладковатый запах кондиционера для белья, я медленно закрываю глаза.

Первый звонок будильника — и я мгновенно просыпаюсь. Не уверена, спала ли вообще. Вызываю *Uber*. Дом, адрес которого ввожу, находится за углом. Нельзя допустить, чтобы родителей разбудил звук двигателя. Тихо прокравшись в ванную, чищу зубы и умываюсь. Я выгляжу в зеркале немного иначе, не так, как несколько дней назад. Взрослее. Мне в самом деле больше здесь не место. Вьющиеся каштановые волосы рассыпались по плечам. На меня смотрят широко распахнутые карие глаза. Я улыбаюсь девушке в зеркале, будто пытаюсь сказать, что все правильно. И мое отражение впервые за долгое время уверенно улыбается в ответ.

Я начинаю новую жизнь. Вот о чем говорит мой вид. Новая жизнь. Без дедушки, но и без... Нет, запрещаю себе даже думать о нем. И без родителей, которые предпочли бы вечно удерживать меня в Росдэйле и не оставили мне выбора, когда заявили: «Либо ты учишься здесь, либо не учишься совсем». Но сейчас это я не оставляю им выбора. Я приняла твердое решение жить собственной жизнью. И не позволять им заражать меня своими страхами и опасениями.

Зубная паста и щетка оказываются в рюкзаке вместе с «Винни-Пухом». Эта книга отправляется в свое первое

большое приключение. Надеваю рюкзак и поднимаю чемодан на колесиках. Чтобы не шуметь, придется его нести.

До первого этажа добираюсь почти бесшумно. И только тогда позволяю себе выдохнуть. Сердце колотится. Ставлю чемодан на пол, радуясь, что можно дать рукам немного передохнуть. А потом направляюсь в гостиную. Свет включать не решаюсь и пробираюсь в полумраке на ощупь. Моя рука натывается на дизайнерский стеклянный столик, на котором стоит коллекция суккулентов матери.

Из кармана брюк достаю слегка помятое письмо и приклоняю его к одному из горшков. В нем я сообщаю родителям, что уезжаю в Перли, чтобы жить своей жизнью. Может, это не самый изящный способ попрощаться, но после событий последних дней я не в состоянии вести с ними борьбу. А это будет борьба. Проще поставить их перед фактом. Для них так тоже будет легче. По крайней мере, надеюсь на это.

Напротив стеклянного столика стоит старомодный диван с цветочным узором, к которому нельзя приближаться с едой. Пальцы поглаживают обивку. Захлестнет ли меня сейчас небольшой волной ностальгии или меланхолии? Два шага вперед, и я чуть не врезаюсь в массивный темный секретер, за который родители отдали целое состояние на антикварном аукционе. Это тема номер один для разговоров на скучной вечеринке.

Вернувшись в прихожую, осторожно роюсь в гардеробе. На полке для обуви нахожу любимые кеды. Для родителей они были как бельмо на глазу. По их мнению, в таких ходят только «сомнительные подростки». Но впервые мне совершенно все равно, что они думают или говорят. Я беру куртку, так как по ночам в начале сентября в штате Мэн бывает довольно холодно.

Когда открываю дверь, мне в лицо дует свежий ночной ветер. Сделав глубокий вдох, переносу через порог чемо-

дан. Аккуратно, сантиметр за сантиметром, прикрываю дверь, пока с тихим щелчком не срабатывает замок. Получилось!

Мне не хватает смелости взять чемодан, так что я несу его по подъездной дорожке. И только когда оказываюсь на улице перед домом, ставлю его на землю и в последний раз оглядываюсь. Сделав из больших и указательных пальцев квадратную рамку, я смотрю сквозь нее на родительский дом. Мне хочется сохранить этот миг в воображаемом фотоальбоме — прощание с Росдэйлом. Я представляю, как опускаю затвор камеры. Этому меня научил дедушка, когда я еще была маленькой. Мне вспоминаются его слова: «Так можно навсегда запечатлеть моменты, которые предназначены для тебя одной». Это первый снимок в моем новом альбоме.

Я иду по темной улице, вокруг ни души. Кроме моих шагов и тихого пыхтения, так как чемодан с каждой минутой становится все тяжелее, не слышно ни звука. Свернув за угол, вижу *Uber*.

Водитель, угрюмый пожилой мужчина в бейсболке, без особых усилий поднимает мой чемодан и кладет в багажник.

— Ну, и куда едем? — спрашивает он.

— В аэропорт, пожалуйста, — с дико стучащим сердцем отвечаю я.

2

Рис

— Что ж, мистер Болтон, — говорит Пауэлл, один из охранников, — ради нас всех надеюсь, что мы вас тут больше не увидим.

Впервые меня назвали «мистер Болтон». Прошлые шесть лет я был либо «Болтоном», либо «52 899», заключенным тюрьмы Перли для несовершеннолетних.

Пауэлл протягивает мне старый полиэтиленовый пакет.

— Ваши вещи, — произносит он.

В пакете лежат джинсы и футболка — шмотки, которые были на мне, когда меня закрыли здесь в пятнадцать лет. Я уже тогда вырос из них. Без понятия, что мне делать с этим сейчас, но я послушно беру пакет и расписываюсь в получении.

Пауэлл проводит меня по длинному коридору с дверями повышенной безопасности и тамбурами, который отделяет крыло № 2, где я жил последние несколько лет, от выхода. По потолку змеятся металлические и пластиковые трубы, и, кажется, вся эта конструкция гудит.

Кто-то в недрах бездушного здания нажимает на кнопку. Звучит гулкий предупреждающий сигнал — дверь разблокирована. Она автоматически открывается, и я переступаю порог. Наконец свобода. Через шесть гребаных лет. Солнце ослепляет, и мне приходится зажмуриться. Я стою на

асфальтированной площадке перед тюрьмой для несовершеннолетних и чувствую, что сейчас должно случиться что-то грандиозное. Мир должен поприветствовать меня, Риса Болтона. Но мир не такой, каким был, когда я попрощался с ним в пятнадцать лет. Я ему не нужен, а мне ничего о нем не известно. Мы совершенно чужие друг для друга.

Сделав шаг, оглядываюсь назад. До сих пор не могу поверить. Но дверь, через которую я только что вышел, действительно закрывается... а я все еще стою здесь. Вне высоких стен, которые душат любую радость, любую мечту. Снаружи. Наверно, я должен быть счастлив и чувствовать себя легким как перышко. Но я ничего не чувствую. Лишь замечаю, что джинсы и толстовка с капюшоном, которые дала мне социальная работница, слишком теплые для калифорнийского лета. А толстовка мне еще и велика. Впрочем, в старые вещи, которые лежат в пакете как единственное напоминание о прежней жизни, я бы уже не влез.

У меня не осталось ничего общего с тем мальчишкой из прошлого. Если не сможешь противостоять говнюкам в тюрьме, тебя уничтожат. Теперь я могу проломить череп любому уроду, который подойдет слишком близко.

Хотя я знаю, что нужно делать дальше, продолжаю стоять в нерешительности. Не хочу идти к Эми. Это социальная работница, которая так хорошо разбирается в размерах одежды. Она нашла мне комнату в съемной квартире и устроила на работу в кафе, где «таким людям», как я, дают второй шанс. Эми написала мне адрес соцслужбы, мне нужно отметить там, когда я «окажусь на свободе». Но у меня нет желания. Ни общаться с Эми, ни смотреть комнату, ни идти на работу. Я хочу остаться здесь и однажды просто раствориться в воздухе. Исчезнуть. Эта жизнь не для меня. Для кого-то другого — да. Но не для меня. А для меня все кончено.

Но есть одна вещь, в которой я себе поклялся. Одна мысль, которая помогала мне держаться. Образ возникает у меня в голове. Картинка размыта, много времени прошло. Но я цепляюсь за нее. И вдруг понимаю, что иду вперед. Может, дело еще и в том, что подошвы ботинок (которые мне малы) слишком тонкие и горячий асфальт начинает обжигать ступни. У меня, по крайней мере, есть цель. А чтобы ее достигнуть, я должен знать, где *он* их прячет. Для этого мне потребуется доступ в интернет. А значит, мне нужны берлога и ноутбук. Для чего, в свою очередь, мне нужна работа. А следовательно, мне не обойтись без Эми.

У меня нет ни цента на автобус, который ходит раз в час, если верить расписанию, хотя в нем сложно что-то разобрать, настолько оно пожелтело. Ко всему прочему, кто-то написал на нем перманентным маркером свои чертовы инициалы.

Так что я иду пешком. Придется пересечь мой старый район. *Наш* старый район. Думаю, не отправиться ли в обход, чтобы не видеть наш дом, воплощение пустоты, которую я ощущаю. Потому что их там больше нет.

Любопытство побеждает, поэтому я продолжаю шагать вперед по раскаленной дороге. В полосках травы по обеим сторонам громко стрекочут сверчки. Тротуара нет, но тут почти не ездят машины. Добравшись до первых домов, я поражаюсь, как же здесь хреново. Вероятно, в воспоминаниях я приукрасил место, где родился, как и свою невеселую жизнь. Окна смотрят на меня черными дырами. Во двориках перед домами валяется мусор, медленно обрастая сорняками.

Я сворачиваю на нашу улицу. У обочины припарковано несколько грязных машин, которые видали лучшие времена. Из дома раздается детский крик и тут же стихает. В этом районе проблемы и споры решаются без слов.

Через силу переставляю ноги, почти не осмеливаясь поднимать взгляд. От дома, в котором провел детство, меня отделяют метров сто. Я заставляю себя продолжать идти. Мне необходимо почувствовать эту боль. В последний раз.

Остановившись перед входом, поднимаю глаза. Маленький ветхий домик. Серый фасад в трещинах. Шаткая деревянная лестница ведет к двери с рваной москитной сеткой.

Судя по всему, в доме кто-то живет, потому что я замечаю в окнах новые шторы. Смотрю на второй этаж. Там, наверху, была моя комната. Комната, из которой выволокли меня, невинного пятнадцатилетнего подростка. У меня внутри все сжимается. Я слышу детский смех из прошлого и как мама гремит посудой на кухне. И его рев. Его ярость.

Я отворачиваюсь. Быстро иду дальше. Для меня это место умерло. Нужно найти другой дом, где зло не доберется до нас. Я стану сильным ради нас. Сильнее, чем когда-либо. Я справлюсь. С жизнью, со свободой. При этой мысли на меня накатывает тошнота, и я опираюсь на капот машины, потому что мне вдруг становится нечем дышать. Ржавый металл уже успел нагреться, и я чуть не обжигаю пальцы.

Мне нужна помощь Эми.

Полчаса спустя я оказываюсь перед разваливающимся зданием, на втором этаже которого находится офис соцслужбы. Звонок висит на торчащих из стены проводах, и я даже не пробую на него нажать. Открываю стеклянную дверь, к внутренней стороне которой прилеплены листовки. Реабилитационные клиники, группы самопомощи, телефон службы душепопечительства¹, вся бесполезная дребе-

¹ Душепопечительство — духовное наставничество, психологическая помощь священника прихожанину церкви. (Здесь и далее примечания переводчика.)

день, к которой прибегают, когда уже не на что надеяться. Но «эй, позвони нам, и все наладится!». Да, конечно. Скорее уж «позвони нам, чтобы мы могли успокоить свою нечистую совесть».

Надеюсь, Эми не такая. Она приходила ко мне пару раз за последние несколько недель и казалась адекватной. Не то чтобы это имело значение, но я не средство для достижения чьей-то цели. Я здесь определенно не для того, чтобы успокаивать ее совесть, если именно это ее волнует.

На лестничной клетке после прогулки по ужасной жаре меня встречает приятная прохлада. Я вытираю лоб рукавом и поднимаюсь по ступенькам. Стены увешаны плакатами дурацких программ. Подростки-правонарушители, которых надо вернуть в общество, но исправительные курсы — не для меня. Добравшись до площадки, пару секунд колеблюсь. Что, если я не отмечусь у Эми и никогда больше не вернусь в эту дыру, где нет ничего, кроме страданий и отчаяния?

Но, конечно, я вхожу. Так привык к тому, что у меня нет выбора, что постоянно подчиняюсь. Насколько же я жалок. Ни малейшего представления о современном мире, ни воли, ни драйва.

Эми сидит за письменным столом, заваленным папками и документами. Она поднимает голову и улыбается мне.

— Привет, Рис! Ты уже здесь! А я думала, ты придешь только во второй половине дня, — слишком громко восклицает она. Похоже, мое освобождение воодушевляет ее сильнее, чем меня.

— Привет, — коротко отзываюсь я. У меня нет настроения для непринужденной беседы.

Она дружелюбно улыбается. Светлые волосы собраны на затылке в небрежный хвост. Она выглядит расслабленной. В отличие от меня. Я не знаю, куда встать, куда деть руки.